

К СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО В СВЯЗИ С ЭКСТРЕМАЛЬНЫМИ СИТУАЦИЯМИ МИРОТВОРЧЕСКОЙ МИССИИ

А.А.Бреусенко-Кузнецов

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики
Национального технического университета Украины
"Киевский политехнический институт"*

У статті подано сучасний підхід до адаптації особистості до екстремальних ситуацій миротворчої місії. Вказано на групи стресогенних чинників, типових для учасників миротворчих місій: пов'язані з клімато-географічними умовами країни перебування; з умовами безпеки; з умовами служби; з національно-мовним аспектом країни перебування; з культурними особливостями; з інтимно-особистими характеристиками; з побутовими умовами.

Ключові слова: адаптація, стрес, екстремальна ситуація.

Социально-психологическая реабилитация военнослужащих, участвовавших в миротворческих миссиях в "горячих точках" планеты, сталкивается с острой проблематикой посттравматических стрессовых расстройств – в форме "военных неврозов", "боевых травм" и т.д., поэтому социальная работа с этим контингентом включает оказание психотерапевтической помощи, предполагающей актуализацию и медицинского, психофизиологического уровня проработки. Если обратиться к фундаментальным теоретическим основам, должным быть заложенными в организацию помощи ветеранам миротворческих командировок, то центральное место займёт проблема *адаптации к экстремальным ситуациям* – особенно остро стоящая в военной психологии (где она конкретизируется применительно к специфическим условиям военной деятельности).

Опыт исследования психической адаптации А.А.Теличкиным наработан в контексте миссии Гражданской полиции (ГП) ООН в Югославии, но он актуален и для уяснения адаптационных проблем и возможностей всякой миротворческой миссии, в том числе продолжающейся по сей день¹ миссии украинских миротворцев в Ираке. А.А.Теличкин выделяет группы стрессогенных факторов, типичных для участников миротворческих миссий: связанные с климато-географическими условиями страны пребывания; с условиями безопасности; с условиями службы; с национально-языковым аспектом страны пребывания; с культурными особенностями; с интимно-личностными характеристиками; с бытовыми

условиями [7, 51]. Соответственно такому делению факторов дифференцируются и формы процесса психической адаптации к условиям миротворческой миссии [7, 52], которые имеют смысл и в контексте нашего исследования. В качественном же плане психическая адаптация классифицируется на *полную* (предполагающую качественное выполнение служебных обязанностей, стабильное течение психических процессов, высокую степень устойчивости к экстремальным ситуациям), *частичную* (сопровождающуюся в целом удовлетворительным выполнением обязанностей) и *дезадаптацию* (при которой выполнение обязанностей неудовлетворительно) [7, 87-89].

Психическая адаптация к климато-географическим условиям миссии. В исследовании А.А.Теличкина лишь 10,8 % респондентов (участников полицейской миссии в Югославии) отнесли климатические проблемы к разряду особенно значимых. Однако, для отдельных групп миротворцев эта проблематика весьма актуальна: для выходцев из африканских стран эта цифра составила 100 %, а для представителей Португалии – 50 %. Конкретные примеры затруднений, связанных с климатическими проблемами, данные в югославской специфике, приведены следующие: в горных районах Югославии, где распространено было отсутствие отопления в зимний период, работоспособность выходцев из южных стран падала до нуля; у полицейских из равнинных местностей тропической Африки наблюдалась "горобоязнь" (которая проявлялась, в частности, в парадоксальном превышении скорости на горных дорогах – с целью скорее выехать на равнину). "Горобоязнь" вызвала рост дорожно-транспортных происшествий. "Процесс адаптации к климато-географическим условиям командировки не

¹ Статья была написана в 2005 году – в период сотрудничества автора с Научно-исследовательским центром гуманитарных проблем Вооружённых Сил Украины

прекращается в течение всего срока командировки. Он может быть оптимизирован при условии схожести климато-географических условий страны пребывания с условиями родной страны. При этом могут наблюдаться случаи псевдоадаптации. Псевдоадаптация характеризуется чувствами беспечности, самоуспокоенности, завышенной самооценкой, состояниями повышенной напряжённости, фрустрации" [7, 55]. "Южане" большинство ДТП совершали в 1-й и в 7-8-й месяцы пребывания, "северяне" – на 5-6-м месяцах. Для "южан" динамика адаптации к климато-географическим условиям выглядит так: болезненный период привыкания к климату и географии страны (1-й месяц) – период ложной адаптации – нарушение адаптации в связи с изменением погодных условий (7-8-й месяцы, связанные с ростом ДТП) – формирование уверенной адаптации (10-11-й месяцы). "Северяне" в 1-й месяц пребывания ДТП, как правило, не совершали; период ложной адаптации у них длился меньше (пик происшествий на 5-6-м месяцах пребывания); формирование уверенной адаптации происходило на 7-8-м месяцах. Таким образом, полный цикл адаптации к климатическим условиям занял примерно 1 год; следовательно, если срок командировки менее года, то процесс адаптации нельзя считать завершённым. Не случайно среди германских полицейских, командированных на 6 месяцев, аварийность оказалась самой высокой. Следует заметить и то, что опыт ДТП сам по себе травматичен, и, связываясь (ассоциируясь) с природными условиями, он может вызвать чувство страха по отношению к последним, что, в свою очередь, приведёт к затруднению адаптации.

Психическая адаптация к риску для жизни и здоровья. Всего 7,2 % респондентов А.А.Теличкина выразили неудовлетворённость уровнем личной безопасности (для арабских полицейских – 33 %) [7]. Регистрировались и случаи самовольного покидания Миссии от страха получить увечье, ранение.

Стрессоры, выделяемые в контексте данного вида адаптации, таковы:

- Опасность для жизни – в условиях современных миротворческих миссий вполне реальная и растущая (по данным ООН на период от 1948 по 1990 г. погибло 398 чел., а с 1991 по 1995 – 456 чел.).

- Враждебность местного населения, угроза нападения, заставляющая миротворцев находиться в состоянии постоянной боевой готовности – что приводит к повышению уровня кумулятивной (накапливающейся) усталости.

- Специфические правила в отношении личного оружия. Правила запрещают участни-

кам миротворческой миссии использовать оружие (кроме самозащиты). Личное оружие создаёт лишь иллюзию защищённости, безопасности, а на самом деле повышает уровень фрустрации, напряжённости.

- Отсутствие / нехватка медицинских учреждений влияет на моральное состояние (невозможно своевременно произвести эвакуацию пострадавших). Отсюда – нежелание миротворцев подвергать свою жизнь малейшему риску.

- Неопределённость военно-политической ситуации создаёт высокий уровень нервно-психической напряжённости и фрустрации, граничащий с нервными срывами. В подразделениях, направляемых для развёртывания станций ГП ООН в качестве авангарда в районы с неизвестной военно-политической обстановкой, этот фактор оказывается особенно актуальным. Постоянная опасность подорваться на mine, быть раненым снайпером, или попасть под миномётный обстрел (в условиях, когда ни одна из конфликтующих сторон не берёт на себя ответственность за эти нападения) ставит миротворца в позицию жертвы неких не вполне осознанных сил, что составляет специфику миротворческих операций сравнительно с боевыми действиями, где статус каждого участника вполне определён.

- Двойственность самой позиции миротворца, который помимо выполняемых миротворческих функций (декларируемых) может манипулятивно вовлекаться и в решение иных, не проговариваемых вслух (и не свойственных его миссии в принципе) задач, создаёт и внутренний уровень этой неопределённости, дополняющий неопределённость внешнюю. Американская военная психология выделяет участие в миротворческих операциях в особый вид боевой задачи – и приводит три её разновидности: 1) по восстановлению; 2) по поддержанию мира; 3) по оказанию гуманитарной помощи [13]. Мы имеем основание добавить к перечисленным ещё и неосознаваемые разновидности миротворческих операций: 4) оказание давления; 5) скрытая оккупация территории. Подобно архетипу "тени", дополняющему до целостности "персону" в концепции личности К.Г.Юнга, эти немиротворческие цели во многом определяют характер реальных экстремальных ситуаций, в которые попадают миротворцы – и являются наиболее уязвимой стороной миротворческих миссий, в которые вовлечены интересы США и стран НАТО.

Динамика адаптации к угрожающей жизни ситуации включает три стадии (в соответствии со стадиями развития стресса по Г.Селье, взятыми американскими военными психоло-

гами по отношению к военной деятельности [13]):

1) *Тревоги (страха)*. Данная стадия непродолжительна, на её протяжении актуализируются и вступают в борьбу две мотивационные тенденции: а) принять "бой" с опасностью; б) уклониться. Работоспособность здесь резко ухудшается, если действия не предельно просты и инстинктивны (убежать), или если нет специальной тренировки.

2) *Сопротивления* (не в психоаналитическом смысле). С момента активного противостояния опасности перевозбуждение проходит. Работоспособность повышается. Уровень стресса снижается до базового, или остаётся в виде остаточного стресса.

3) *Истощения*. На этой стадии индивид неспособен противостоять стрессору, работоспособность падает до нуля.

К индивидуальным свойствам, влияющим на данный род адаптации, принадлежат склонность и устойчивость к риску – эмоционально-волевые качества, неодинаково присутствующие членам миротворческого контингента. Различны оценки одной и той же ситуации, содержащей долю риска (как крайне рискованной; с тенденцией к объективной оценке степени риска; как безопасной). У некоторых обследованных наблюдается феномен "тяги к риску" – острое влечение к опасности, бравада. "Новички" (не имевшие опыта миротворческих операций), чей опыт пребывания в командировке ещё не обрёл черт реальной определённости, в первые недели склонны преувеличивать степень угрозы для жизни и здоровья (по сравнению с "ветеранами"). Поскольку они не научились идентифицировать реальную опасность и автоматически реагировать на неё, у них возникают трудности с фокусированием внимания (выделением из фона ситуации фигуры опасности). Через 3-4 месяца опасность оценивается более адекватно (но если не встретилось реальной опасности для жизни и здоровья, развивается пренебрежение к опасности и здравому смыслу – что может вести к ненужным потерям). Для "ветеранов" (полицейских, имевших предыдущий опыт миротворческих миссий), в начале командировки характерна недооценка опасности, нарочитое пренебрежение к ней. К середине срока – оценка приближается к адекватной.

А.А.Теличкиным подчёркивается особая травматичность ситуации, когда миротворцы выступают свидетелями ранения / смерти товарищей: "На динамику процессов фрустрации решающее значение оказывает постепенное осознание миротворцами того факта, что в случае экстремальной ситуации их самоотверженность не будет оценена, а получение

увечий не будет компенсировано. Разочарование в идеалах миротворчества протекает довольно быстро и достигает апогея к концу миссии" [7, 64]. Фрустрация, связанная со смертью товарищей, находит выход в неадекватности поведенческих реакций: "Потери в результате военных действий увеличивают потенциал боевой (конфликтной) усталости. Если потери имеют место в чрезвычайно фрустрационных условиях. То это может стимулировать появление случаев неправомерного поведения. Сотрудники миссии начинают рассматривать население страны пребывания исключительно с негативной стороны" [7, 65]. Отсюда – тенденция к снижению уровня эмпатии к концу миссии (у "новичков" – с "высокого" уровня до "ниже среднего", у "ветеранов" – со "среднего" до "ниже среднего").

Психическая адаптация к специфическим формам организации службы. Уже сам факт направления в миссию представляет собой для миротворца стрессогенный фактор. Своевременное оповещение о предстоящей командировке снижает негативное воздействие стресса, секретность, в которой может проходить подготовка к отъезду – повышает. Особенно болезненно могут переносить внезапный отъезд молодожёны; имеющие больных членов семьи; перенёвшие утрату близких; не имеющие гарантии сохранения своей должности; испытывающие финансовые трудности. Длительность командировки – стрессор, который может быть как негативным, так и позитивным. Отсутствие информации о её сроке негативно сказывается на психическом здоровье. По американским данным, наименее стрессогенны командировки продолжительностью до 1-2 месяцев; до 4 месяцев – требуют специальных адаптационных усилий; к 6 месяцам фрустрация и стресс, вызванные разлукой с семьёй, достигают пика; далее напряжение несколько спадает, но чем дольше разлука с домом, тем больше времени требуется на постмиссионную адаптацию [11]. Пассивное пребывание в миссии более стрессогенно, чем активные действия, связанные с перемещением по стране пребывания. Велика важность успехов миссии – даже самых незначительных. Полное отсутствие реальных результатов (позитивной обратной связи от внешнего миссии социального мира) является мощным источником фрустрации.

Для международных миротворческих миссий специфическим стрессором является плохой уровень владения английским языком (т.к. может вызвать репатриацию). Характерны конфликты, связанные с совместным пребыванием представителей различных культур, религий, традиций. Служебный конфликт, пе-

перастая в личностный, может далее трансформироваться в национальный.

Психическая адаптация к стресс-факторам национально-языкового характера. Данные стресс-факторы разбиваются на две категории:

- внутренние (между самими подразделениями миссии);
- внешние (между подразделениями миссии и внешним населением).

Особенную трудность организационного характера представляет совместная работа многонациональных сил ООН в тех получивших широкий мировой резонанс "горячих точках", направление в которые своих контингентов многими странами связывается с соображениями престижа. Риск возникновения социально-психологического феномена "национальной групповщины" возникает при совместном пребывании 4-х и более соотечественников и проявляется в протекционном отношении к землякам (назначение на командные должности, выделение автотранспорта, др. льготы). "Ввиду своей авторитарной сущности полицейская служба способствует появлению предубеждений. Если полицейские не имеют опыта межнационального общения, то в многонациональном коллективе возможно появление и этнических предубеждений" [7, 78]. Процесс психической адаптации к жизнедеятельности в условиях многонационального коллектива занимает, в среднем, около 3-х месяцев. Его можно ускорить такими факторами как особые условия жизнедеятельности контингента и предыдущий опыт общения с представителями других народов.

Психическая адаптация к особенностям традиций, культуры страны пребывания. Вероятность возникновения стресса на почве отношений с местной культурой тем выше, чем больше наблюдатель сталкивается с местным населением. Полная изоляция от местного населения исключает стресс, но представления о народе и его культуре будут нереалистичны (станут представлять собой набор личных проекций, интроектов, социальных стереотипов). Встреча с "не самыми достойными" представителями данного народа (типичная для миротворческих вооружённых сил, выполняющих полицейские функции) ведёт к созданию негативных стереотипов. В местном населении начинают видеть "злодеев", "недочеловеков", что проявляется в высказываниях вроде: "Этому народу доверять нельзя"; "Все они тупицы и бездельники". 14,4 % респондентов из ГП ООН в Югославии отметили наличие значительных различий в культуре как основную проблему для вновь прибывших, а 17,9 % заявили, что незнание местного языка делает их пребывание в стране неполноцен-

ным [7, 80]. Разумеется, своё влияние на успешность адаптации оказывает и реальная лояльность местного населения, как правило, неодинаковая среди различных его групп. По оценкам наблюдателей ООН, ранжировавших разводимые воюющие стороны в Боснии и Герцеговине, самые лояльные к сотрудникам ООН – сербы (их на первое место поставило 46,4 % опрошенных), далее – мусульмане и хорваты (соответственно 17,9 % и 7,2 %) [7, 79].

На реальную лояльность групп местного населения оказывает влияние и лояльность к населению политики самих миротворцев, которая, следует признать, в стратегическом плане зависит отнюдь не от самих военных исполнителей миссии (в их область прав и свобод отнюдь не входит обсуждение сомнительных приказов, исходящих от политического руководства, и ориентированных скорее на отстаивание геополитических интересов США, чем на декларируемые миротворческие цели). "Избирательное восприятие западными институтами информации от сторон, непосредственно вовлечённых в югославский конфликт на различных его стадиях, говорит о прямом умысле поддерживать вполне определённый вариант развития ситуации. Поддержка ... мусульманско-фундаменталистского режима А.Изетбеговича в Боснии и Герцеговине (против Республики Сербской, возглавляемой Р.Караджичем) провоцировала эскалацию антисербского геноцида. Война на территории Боснии и Герцеговины была прямо спровоцирована «миротворцами»... На протяжении боснийской войны совместные действия СБСЕ, СООНО и НАТО фактически оказывали прямую военную поддержку антисербским силам (наложение эмбарго на Сербию и меры по предотвращению вооружения сербских войск при поощрении поставок оружия мусульманам; обучение мусульман военному делу американскими и немецкими инструкторами; натовские бомбардировки сербских позиций в случае их военного успеха). Перманентно происходящие переговоры по Боснии (Конференции в Лондоне, Женеве, Афинах, Дейтоне) главной своей сутью имели давление на сербскую сторону; западные «миротворцы» реально ничего не сделали для прекращения военных действий, пока военная удача и территориальный перевес были на стороне армии генерала Р.Младича и Республики Сербской. Столкновения боснийских мусульман и хорватов (отстаивающих республику Герцег-Босна) между собой расценивались западом негативно, т.к. целью «миротворцев» было сплочение их в антисербскую коалицию – что в конце концов под внешним давлением и произошло" [2, 73-74; 4]. Подразделения ГП

ООН, изнутри которых описывал экстремальные ситуации А.А.Теличкин, по сравнению с другими задействованными в операциях на территории Югославии войсками, в наименьшей степени отступали от миротворческой линии действий, однако, включаясь в единую картину действий с осуществляющими открытую агрессию "миротворцами" НАТО, оказывались поневоле втянутыми в несимметричные отношения с воюющими сторонами, что в терминологии М.Боуэна, разработанной по отношению к семейным конфликтам, именуется триангуляцией внешней стороны.

В свете этих фактов обретает дополнительные основания выявленная А.А.Теличкиным тенденция к большей подверженности фрустрации и неустойчивости самой мотивации именно у миротворцев-"идеалистов" (ориентированных на идеалы миротворчества) – сравнительно с т.н. "финансистами" (ориентированными на материальное благополучие) и "карьеристами" (ориентированными на служебный рост) [6; 7, 146-150]. Встретившись в Югославии с реальностью не только внешней ситуации, но и самой миротворческой деятельности, они испытали крушение идеалов, что, несомненно, и понизило их сопротивляемость стрессу.

Психическая адаптация к проблемам интимно-личностного характера. По данным опроса среди сотрудников ГП ООН значительная их часть (85,9 %) страдает от разлуки с семьёй; причём у 25,2 % это обстоятельство влияет и на служебную деятельность [7, 81]. Высокие цифры (по нашему заключению) свидетельствуют о высокой ясности, осознанности данных стресс-факторов. 68,1 % респондентов заявили, что страдают от отсутствия сексуальных контактов (хотя на служебную деятельность последняя тенденция очевидного для них влияния не оказывает). Сексуальная дезадаптация может принимать формы промискуитета и сексуальных извращений. Для преодоления одиночества миротворца в отрыве от семьи велика важность телефонной связи (дарующей живое общение с близкими), которая, впрочем, может выступать как положительным, так и отрицательным стрессором (в зависимости от характера получаемой из дому информации). Стоимость телефонной связи также стрессогенна.

Психическая адаптация к специальным условиям работы и быта. По настоящему болезненной бывает лишь адаптация к менее комфортабельным условиям. Влияет привычка к определённому уровню комфорта условий на родине, поэтому миротворцы из Западной Европы и Северной Америки данному роду стрессоров подвержены гораздо силь-

нее, чем миротворцы из стран СНГ. В ходе самой миссии отличные условия пребывания могут смениться на очень плохие, что создаёт стресс для любой группы миротворцев. Особенно следует отметить стрессогенное влияние *ограниченности жизненного пространства*. Как свидетельствует теория интенсификации Фридмана, в тесноте обостряется или усиливается типичная реакция индивидуума на любые ситуации. Если же типичные реакции негативны, – теснота усиливает их негативную природу [3].

На первом этапе командировки миротворцы стараются селиться поблизости, далее возникают тенденции к отчуждению, рост индивидуалистического начала. Пик роста неприязни к сотрудникам миссии приходится на 9-й месяц.

Наличие привычных элементов быта (блюда национальной кухни, родные телепередачи) повышают стрессоустойчивость полицейских наблюдателей, отсутствие же – стрессогенно. Проблематика, связанная с бытом, предстаёт в опросе А.А.Теличкина: у 32,1 % респондентов актуализировались проблемы с проведением свободного времени, у 17,9 % – с жильём, у 10,8 % – с организацией питания (при этом 7,1 % основной своей проблемой назвали жильё и 7,1 % – питание) [7, 84]. Феномены, сопутствующие проблеме свободного времени – это психические состояния тоски и скуки. Тоска (часто скрытая, неосознанная) проявляется в повышенной возбудимости, раздражимости, сентиментальности, в навязчивом повторении в памяти и воображении одних и тех же образов. Скука предполагает пониженный интерес к окружающей действительности; она парализует волю и интеллект, рождает пассивность. Попытки избавления от скуки, к которым прибегают миротворцы: переключение на другую работу, отвлечение на телепередачи, спорт, прогулки, спиртное. Всё это – суррогатные формы борьбы со скукой. В конечном же итоге скука восходит к феномену "экзистенциального вакуума" – специфической смысловой депривации, которую основатель логотерапии В.Франкл видит в качестве причины "воскресных неврозов". Попадая в чуждые условия быта, далёкие от очертаний знакомой повседневности, человек теряет и привычные способы психологической защиты, ухода от глубинных экзистенциальных проблем. Поскольку актуализируемая проблематика по смысловой нагрузке принадлежит не уровню стресса, а уровню жизненного кризиса, она требует весьма тонкой психотерапевтической проработки (на которую, к сожалению, в условиях миссии нет ни времени, ни средств).

А.А.Теличкиным выделяется два способа преодоления стрессогенных факторов бытовых условий:

- Искусственное воспроизведение привычных условий (требует затрат и даёт быструю отдачу, – но в этом случае практически не осуществляется собственно адаптации; стоит сотруднику миссии оказаться за пределами созданной для него "теплицы" – и он незащищён перед внешними условиями). По этому пути идут американский, германский, скандинавские контингенты.

- "Погружение" сотрудника во внешнюю среду страны пребывания (для этого требуется время, идущее на выработку адаптационного механизма; зато потом военнослужащий защищён от любых неблагоприятных условий).

Таким образом, нами проанализированы основные формы психической адаптации к экстремальным условиям миротворческой миссии. К ним относится форма, связанная с климато-географическими условиями страны пребывания; с условиями безопасности; с условиями службы; с национально-языковым аспектом страны пребывания; с культурными особенностями; с интимно-личностными характеристиками; с бытовыми условиями.

Указано на деструктивное влияние реальных вне-миротворческих контекстов декларируемых задач миротворческой деятельности военнослужащих на их психическую адаптацию к экстремальным условиям службы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексис Л.А., Лысенко В.И., Тимченко А.В. Психологическая диагностика посттравматических стрессовых состояний [уч.-метод. пособие] / Л.А.Алексис, В.И.Лысенко, А.В.Тимченко. – Х.: Университет внутренних дел, 1998. – 67 с.
2. Бреусенко-Кузнецов А.А. «Казни Египетские». К экзистенциально-психологическим истокам современного мифотворчества [монография] / А.А.Бреусенко-Кузнецов. – К.: КИТ, 2004. – 150 с.
3. Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия / Р.Бэррон, Д.Ричардсон. – СПб.: Питер, 1997. – 336 с.
4. Гуськова Е.Ю. История Югославского кризиса (1990-2000) / Е.Ю.Гуськова. – М.: Русское право / Русский Национальный Фонд, 2001. – 720 с.
5. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса / Л.А.Китаева-Смык. – М.: Наука, 1984. – 360 с.
6. Теличкин А.А. Особенности мотивационной и ценностно-смысловой сфер полицейского наблюдателя ООН / А.А.Теличкин // Вісник Харківського державного університету. Серія "Психологія": Зб. наук. праць. – 1998. – № 418. – С. 135-141.
7. Теличкин А.А. Особенности психической адаптации сотрудников полиции к условиям службы в миротворческой миссии ООН: дисс. ... канд. психол. н.: спец. 19.00.01 / А.А.Теличкин; Ун-т внутренних дел – Х., 1998. – 180 л.
8. Теличкин О.А. Особливості психічної адаптації працівників поліції до умов служби в миротворчій місії ООН: автореф. дис. ... канд. психол. н.: спец. 19.00.01. / О.А.Теличкин; Ун-т внутрішніх справ – Х., 1998. – 16 с.
9. Теличкин О.А. Стресогенність в діяльності співробітників правоохоронних органів / О.А.Теличкин // Актуальні проблеми сучасної науки в дослідженнях молодих вчених: Зб. наук. праць. – Вип. 3-4. – Х.: Основа, 1997. – С.359-365.
10. Шевчук Л.Е. Медико-психологическое обеспечение военно-профессиональной деятельности пехотинцев (в связи с задачами профилактики нарушений психической адаптации): дисс. ... канд.психол.н.: спец. 19.00.04 / Л.Е.Шевчук. – СПб., 2001. – 240 с.
11. *Leaders. Manual for Combat Stress Control. Booklet 1.* – Headquarters. Department of the Army. – W., DC. – Sep, 1994.
12. *Providing Stress Control in Operation Other Than War.* – Headquarters. Department of the Army. – W., DC. – 27.02.1994. – January, 24.
13. *Stress Issues in Army. Operations. Leaders for Combat Stress Control.* – Headquarters. Department of the Army. – W., DC. – Sep, 1994.

Стаття надійшла до редакції 28.10.2010 р.